

Степан Вартанов

БЕЛАЯ ДОРОГА

RUGRAM

УДК82-312.9

ББК84.4

В18

Вартанов, С.

В18 Белая дорога / С. Вартанов. – М. : Т8 Издательские техно-
логии / RUGRAM, 2022. – 492 с.

ISBN 978-5-521-73518-1

Давным давно, великая раса Древних соединила все (почти все, Земля, разумеется, является исключением) миры во Вселенной сетью порталов, ведущих в искусственный Центральный мир, а оттуда – в любой другой. Соединила и ушла, оставив все это богатство людям. Война за Центральный мир, разумеется, вспыхнула практически сразу, и с тех пор продолжается вот уже шесть тысячелетий.

При этом Древние забыли одного из своих – пути в их мир больше нет... но его можно открыть, если использовать человека-отмычку из Запретного Мира. Этот человек может отдавать приказы... Впрочем, не будем вдаваться в детали. Человек-с-Земли нарушает баланс сил, и за ним немедленно начинается охота.

С одной стороны, приключенческая книжка. С другой... «Ну почему они так любят воевать?!» – спрашивает себя главный герой.

А действительно, почему?

BIC FM

BISAC FIC009000

© Степан Вартанов, текст, 2021

© Александра Аксюты, обложка, 2021

© RUGRAM, оформление, 2022

© Т8 Издательские технологии, 2022

ISBN 978-5-521-73518-1

БЕЛАЯ ДОРОГА

Глава 1

Дорога шла по живописному склону. Справа и слева расстился сплошной зеленый ковер, усеянный пятнами цветов. По крайней мере раз в полгода мне приходилось спускаться в эту долину, и каждый раз возникало беззаботное ощущение праздника. Страна вечной весны. Я привстал на козлах и поглядел назад, на сверкающие снегом вершины, затем вновь окинул взглядом долину. Нечего себя обманывать, подумал я. На самом деле такие же горы и луга с ручейками я видел и в тысяче других мест. Не в этом деле. А дело в том, что из этих кустов в тебя никто и никогда не пустит стрелу. Здешний народ не знает и знать не желает такого слова, как война. В отличие от всех прочих народов.

Да, наверное, дело было в этом — в отсутствии угрозы. Странная, вроде бы, вещь, за тридцать-то лет я должен был бы привыкнуть — ан нет. Человеку нравится, когда его не бьют.

Горное селение, из которого мы возвращались, называлось не то Рестак, не то Рестат. Круглый год местные жители лазили по горам, собирая удивительные

лечебные травы. А потом приезжали мы, и выменивали их на ножи, топоры и прочие хозяйственные мелочи. Грабеж, если вдуматься... Впрочем, я уже давно отучил себя вдумываться в такие вещи. Торговля есть торговля.

Я уселся поудобнее и отпустил вожжи. Лошади знают дорогу и достаточно хорошо обучены, так что можно без помех насладиться покоем летнего дня. Чуть слышный скрип колес, полет чайки в вышине. Наверное, ее нанесло сюда бурей, подумал я. И в этот самый миг, словно почувствовав мой взгляд, чайка сложила крылья и молнией спикировала к первому из трех наших фургонов. Через секунду он остановился. Я тронул вожжи и подъехал поближе.

Чайка, точнее, создание, принятое, мною за чайку, сидело теперь на плече у Таписа, а Ор, его напарник, извлекал у нее из глотки какой-то предмет. Подошли остальные торговцы — Одорф, мой напарник, и Бигольби с Си-ву из третьего фургона.

«Курьер», — подумал я удивленно. Курьеров на моей памяти не использовали ни разу. Одна такая механическая птица, способная найти адресата, где бы он ни находился, стоила дороже, чем десять наших караванов.

Ор выудил наконец цилиндрик с посланием и отвинтил крышку. Вынув оттуда записку, он вручил ее Тапису. Несколько минут наш предводитель беззвучно шевелил губами, переводя строки шифра на обычный язык...

— Нам предлагается, — произнес он наконец, — срочно отправиться в мир Кланзон. Поворачиваем...

«Нам предлагается, — подумал я иронически. — Что собственно говоря, означает — предписывается».

Я был изрядно озадачен этим сообщением, да и напуган, пожалуй. Мы — я имею ввиду торговцев — не являемся организацией с развитой вертикальной структурой. Причин для этого великое множество. Сложно управлять и координировать деятельность многочисленных полуразбойничьих формирований, путешествующих везде и всюду. Сложно с точки зрения исполнения — добропорядочный гражданин охотно сделает у нас покупки, но я позволю себе усомниться, что он согласится стать одним из нас. От бандитов торговцы отличаются двумя особенностями — во-первых, образованием и, во-вторых, тем, что предпочитают обменивать товары, а не отбирать их силой. Прибыль от этого если и уменьшается, то не так существенно, как можно было бы ожидать. Многие из нас грабили прежде на большой дороге. Поэтому заставить торговцев подчиниться какому бы то ни было приказу крайне сложно. Против воли, я имею в виду. Хотя, конечно, попытки были и, видимо, будут впредь.

Вторая сложность — чисто техническая. Во главе маленьких караванов стоят обычно такие люди, как наш Тапис, а они настолько хорошо знают свое дело, что попросту не нуждаются ни в чьих советах.

Ну и, конечно, создание любого рода координирующего центра для управления нашими перемещениями неминуемо потребовало бы организаций разветвленной системы всевозможных связей и средств обработки и хранения информации, складов товаров... А ведь у торговцев не так уж мало врагов, так

стоит ли строить то, чему все равно суждено обратиться в дымящиеся развалины?

Сам я считаю, что нынешняя наша система совершенна. У нее две задачи, и с обоими она справлялась до сих пор блестяще. Первая — сбор и хранение сведений, — тех крох знания, которые нам удавалось купить, украсть или завоевать. Хороший торговец — это эксперт в технике, медицине, философии, религии. Никогда не знаешь, что может пригодиться. Вторая задача — спасение торговцев, попавших в беду. Это тоже обычно удается. Все. Больше никаких целей и никаких ограничений.

И все-таки центр или, по крайней мере, его подобие, у нас есть. Назовем это советом наиболее опытных торговцев. Вовсе, кстати, не обязательно — самых старых. Мы вполне доверяем этим людям решение глобальных задач, а в мелкие они и не суются. Последний и единственный на моей памяти раз этот совет подал голос десять лет назад, когда началась Война. И вот...

Прибыть срочно. Что значит — срочно? Я попытался вспомнить все, что знал о Кланзоне. Это был мир-самоубийца, вот и все, что мне удалось вспомнить. Одорф знал не больше моего. Не началась бы новая заварушка, подумалось мне. Подозрительно, когда тебе назначают встречу в месте, наверняка нашпигованном всевозможным оружием. Конечно, возможны варианты.

— Одорф!

— Да?

— Допустим, это не война. Тогда что?

Одорф почесал в затылке.

— Война, Рат, — заявил он. — Война или подготовка к войне. — Он заворочался в темноте фургона, устраиваясь, а затем добавил: — Станем проходить канал — буди.

Канал... Некоторое время я смотрел, как проплывают мимо гигантские валуны, покрытые бурым мхом. Цветущие луга моей долины вечной весны остались позади, теперь наш караван приближался к перевалу. Затем короткий спуск и опять подъем — между двух гор, по руслу высохшей реки. А в конце пути нас ждал канал. Мы пересекли бегущий с горы ручеек, и я, не покидая своего места, зачерпнул горсть ледяной воды.

Проклятье! Если б я умел закрывать каналы! Я закрыл бы их — все три дороги, ведущие в долину вечной весны. Есть места слишком хорошие, чтобы позволять человеку их портить. Говорят, что Древние умели закрывать каналы... Да мало ли, что говорят о Древних! Может быть, их вовсе и не было, а была чья-то злая шутка? Впрочем, если они всё-таки существовали когда-то, то шутка получилась не умнее.

— Одорф!

Мой напарник отодвинул брезентовый полог и завертел головой.

— Ага, — констатировал он, — приехали. — Затем завздохал и принялся растирать лицо. Прохождение канала — процедура весьма неприятная.

— Минут десять, — заметил Одорф, а затем скрылся в глубине фургона и зазвенел там железом.

Вернулся он, держа в руках наши перевязи с оружием и два арбалета в придачу. Я натянул через го-

лову перевязь и стал глядеть на канал, к которому мы двигались. Ничего там не было — ничего особенного, я хочу сказать. Просто небольшой участок пыльной дороги. Можно проехать по нему тысячу раз — и ровным счетом ничего не случится. Но в передней повозке Тапис достает из шкатулки голубой кристалл...

— Ближе — произнес Одорф. — Сократи дистанцию.

Я тронул вожжи:

— Н-но!

Сперва ничего не произошло, а затем чуть дрогнула земля — и первый фургон вдруг растаял в воздухе. А еще через десять секунд я испытал такое ощущение, словно пробивался лицом сквозь паутину. Многослойную паутину с прочными липкими нитями. Свет померк и вспыхнул снова.

— Вроде все тихо, — Одорф опустил арбалет и расслабился — настолько, насколько вообще может расслабиться стодвадцатикилограммовый гигант, всю жизнь зарабатывавший свой хлеб опасным трудом.

Теперь мы двигались по холмистой равнине, покрытой редким кустарником, бесконечной равнине, тающей в дымке у горизонта, которого на самом деле не было. Небо над головой было не голубым, а серым, непривычно высоким. В нем вспыхивали и гасли мириады серых искр, а солнца не было вовсе, ибо мы находились в великом Центральном мире, в котором светят все звезды. Каждая сквозь свой канал, словно искорка в небе.

Торговец — не торговец без чувства направления, и все же я не смог отказать себе в удовольствии по-

играть в старую игру. Поглядев на небо, я задержал дыхание и сосчитал до десяти. Искры, словно почувствовав мое к ним внимание, замигали чуть по-другому, и вскоре через весь небосвод протянулись две широкие линии, образующие Серый Крест. Понятия не имею, почему так происходит. Потрясающее зрелище, и очень полезное, кстати, так как по кресту можно ориентироваться — он всегда указывает на север, юг, запад и восток. Некий странный аналог горящих в небе созвездий прочих миров.

Второй переход мы совершили к вечеру, проехав по равнине Центрального не меньше двадцати лиг. Канал находился почти на самой вершине пологого холма, земля вокруг была изрыта копытами. Забавно, подумал я. Обычно подобные места сразу же становились объектом внимания разного рода грабителей, но здесь все почему-то было спокойно. Но тут я увидел всадника в сером и сразу понял причину. Это был человек из клана Хамелеонов — организации достаточно могущественной, чтобы стереть с лица земли любую банду. До недавнего времени, мы, я имею в виду торговцев, старательно делали вид, что никаких Хамелеонов в природе не существует, а они отвечали нам тем же. Но, видимо, времена изменились, раз служители Тени охраняют для нас дорогу.

Когда Фургон проезжал мимо, Хамелеон поднял руку в приветственном жесте. Я счёл нужным поступить так же.

— Интересно, — пробормотал Одорф, — у нас с ними перемирие или военный союз?

Я промолчал. Хамелеоны были бойцами беспощадными и умелыми. Люди-невидимки. Сотни лет этот

клан разрабатывал и оттачивал способы отвлечения внимания — чтобы противник не видел тебя вплоть до того момента, когда ему перережут глотку. На наш обоз, к примеру, хватило бы одного бойца — я имею в виду рядового члена клана. А ведь у Хамелеонов были ещё и воины. Вот только с момента последней Войны и до сих пор, насколько я знаю, вся активность серого клана была направлена на самосохранение. Так почему же они зашевелились?

Скрип колес фургона... Липкие нити невидимой паутины ложатся на лицо. Храпят кони, скрипит тетива арбалета... Серый свет становится серебряным, и все предметы приобретают вдруг необычную, противоестественную глубину. Ночь. Мы движемся по покрытой высокой травой равнине, залитой ярким лунным светом. Луна висит в черном беззвездном небе. Тихо как во сне, ни облачка, ни ветерка. Мир Кланзон.

Если двигаться достаточно долго, переходя из мира в мир, то примерно один из десяти окажется мертвым. Я не имею в виду земли, на которых почему-либо вообще не возникла разумная жизнь, или те, откуда население ушло по доброй воле. Таких мало. Мертвый мир — это мир, где человек уничтожил самого себя, мир-самоубийца.

Иногда, когда на меня находит хандра, мне представляется, что все люди, сколько бы их ни было на свете, упрямо стремятся покончить с собой. В разных местах это происходит по-разному. Иногда — хотя и не очень часто — это война. За идеалы или за земли или за то и другое вместе, а в результате идеалы теряются в веках, а земли становятся безлюдными.